

Воспоминания о А. М. Васнецове

В Мытищах, где мой дядя Павел Константинович Варакин был начальником станции, часто заводили разговор о Савве Ивановиче Мамонтове, об Абрамцеве и абрамцевских гостях. Дядя был «ставленником» Мамонтова и прослужил на Ярославской железной дороге до смерти (1926 год). Разговоры об Абрамцеве меня, тогда мальчика лет девяти-десяти, страшно занимали. Разинув рот я слушал о тех, кто бывал у Мамонтова, об избушке на курьих ножках, о скамейке над обрывом, о церкви... Многого я, конечно, не понимал, но был любопытен и знал, что у тётки в Мытищах, да и у нас дома, в Москве, есть масса «абрамцевских» столов, полок, шкафчиков, аптек с затейливой резьбой и раскраской. Кроме того, у нас хранился альбом «Война грибов» работы Поленовой. Что это была за Поленова, я тогда понятия не имел. Снимки с избушки на курьих ножках производили на меня огромное впечатление, и я думал, что это произведение сказочных строителей. Когда стал побольше — мне объяснили. Тогда я впервые услышал фамилию — «Васнецов». А потом мне показали какой-то этюд реки, не то Камы, не то Днепра, и сказали, что это другой Васнецов — не тот, что написал «Алёнушку» и «Богатырей». Помню, что тётка ужасно гордилась этим этюдом. Всем, кто впервые попадал к ней, она обязательно показывала его и особенно надпись под ним: «Ап. Васнецов», рассказывала, что приобрела его у сторожа в Абрамцеве.

с. 103

с. 104

Поневоле и я проникся уважением к этому этюду и часто подолгу стоял перед ним: он мне казался чудесным (ибо я тоже рисовал), но недостижимым...

Прошло много лет. Я стал юношей и участвовал в заседаниях «Старой Москвы». Тут я впервые встретился с А. М. Васнецовым — почётным председателем комиссии. Помню, что, увидев его впервые, я затрепетал: передо мной был живой, большой, «всамделишный» художник, да ещё художник, который чаровал меня с детства!

Собирались мы в здании Исторического музея — то внизу, в маленькой уютной комнате, иногда в библиотеке, а главным образом наверху в зале.

Вокруг огромного стола рассаживались почётные члены и просто члены комиссии, дальше — посетители и случайные лица. Всё это была подлинно старая Москва в лицах.

Вот Аполлинарий Михайлович Васнецов. Он обычно в светло-сером, отлично отутюженном костюме; сверкает ослепительно белый крахмальный воротничок; галстук, в тёмно-красных тонах, завязан большим узлом. Раскланиваясь на все стороны, он идёт от двери и садится за стол. Рядом с ним усаживается председатель комиссии — П. Н. Миллер. Он словно сошёл со страниц произведений Майн Рида — огненные глаза, сверкающие из-под старомодного пенсне, короткая борода на две стороны, толстовка с расстёгнутым воротом. Пётр Николаевич обязательно с какой-нибудь папкой. Напротив председателей восседает М. И. Александровский с длинной, тщательно расчёсанной русой бородой — «В пику Петру, который приказал сбрить бороды, а я ношу!» Великий знаток московской церковной старины и заклятый враг «проклятых голштинцев», он был непререкаемым секретарём на заседаниях комиссии.

Рядом с ним И. Я. Стеллецкий — воинствующий «подземник», которому

с. 105

...даже моста старинный свод
Мерещит в землю тайный ход.

Дальше сидят Н. Р. Левинсон и П. В. Сытин, тогда заведующий Коммунальным музеем. Он появляется иногда позже, долго стоит в дверях, как бы стесняясь пройти на оставленное ему место, и присутствующие смеются, вспоминая эпиграмму В. А. Адольфа:

Чей там вид в дверях так сытен?
Извините — это Сытин.

*Васильев, С. Д. Воспоминания о А. М. Васнецове / С. Д. Васильев // Аполлинарий Васнецов. К столетию со дня рождения / Ответственный составитель Л. А. Ястржембский. — М.: Московский рабочий, 1957. — С. 103—110.

Вот сидит И. В. Калашников, коллекционирующий полные собрания сочинений. А вон и кудлатый, с огромными очками на кончике носа, Н. А. Шамин. На каждое заседание он приносит целый ворох вырезок из дореволюционных газет и журналов — они кажутся у него неисчерпаемыми.

Далее — казначей комиссии, великий книжник И. Н. Жучков и И. К. Линдеман. Большой знаток своего дела, он удивительно скучно читал свои доклады, что и было отмечено:

Наш Грибоедов, наш поэт
 Растерзан чернью Тегерана,
 А нынче, через сотню лет,
 Убит вторично Линдеманом...

Широко расставив ноги и опершись на руку, лежащую на спинке соседнего стула, сидит Н. П. Лихачёв. Его роскошная чёрная борода резко отличается от седой бороды сидящего тут же потомка декабристов, бывшего князя, бывшего гласного Московской думы, бывшего члена Государственной думы, бывшего министра — Д. И. Шаховского.

Д. П. Сухов уже пододвинул к себе чернильницу и чертит что-то на листе бумаги, а потом получается какой-то диковинный старорусский город с шатрами, повалушами, затейливыми коньками на крышах и куполами на церквях. За спиной их виден Н. П. Чулков — большой и удивительно скромный учёный, замечательный знаток всех московских родословных.

Пробили часы... Аполлинарий Михайлович встаёт, легонько стучит карандашом о стакан и открывает заседание. Сначала М. И. Александровский читает протокол предыдущего заседания, потом идёт очередной доклад, затем начинаются прения... Кажется, всё, но вдруг Пётр Николаевич Миллер таинственно подмигивает и говорит:

«А Аполлинарий Михайлович нам подарок сделал — новую картину!..»

с. 106

Пётр Николаевич как-то по-особому поворачивается, щёлкает пальцами и этим приводит в явное смущение Аполлинария Михайловича.

«Ну, Пётр Николаевич, как всегда, преувеличил... Какая картина! Это просто этюд», — говорит он.

Однако из бумаги появляется всё-таки картина, и Пётр Николаевич ставит её так, чтобы всем было видно.

Зал затихает...

Поправив очки, Аполлинарий Михайлович начинает рассказывать со свойственной ему задушевностью и уносит присутствующих в XVII век.

«Укрепление у Водовзводной башни Кремля, — говорит он, — связано, конечно, и с самой башней; оно не давало речной воде размывать её основание... Это было полукруглое кирпичное строение, одним концом примыкавшее к белгородской стене, а другим — ко второй кремлёвской...»

Аполлинарий Михайлович подробно рассказывает притихшим слушателям об источниках, откуда он черпал это своё новое «графическое исследование»; об истории каждого здания, изображённого на картине; о том, что многое ему подсказали раскопки, производившиеся в конце 1924 года на Сапожковской площади и в Александровском саду, когда были найдены знаменитые «циклопические» кирпичи.

«...Эту картину я изобразил на рубеже XVI—XVII веков. Башня тогда была плоская. Вокруг неё — укрепления, уже начинающие обваливаться, что показывают рушащиеся зубцы. От них на другую сторону Неглинки перекинут мостик... Время я изобразил осеннее... Только что выпал снежок. Солнышко бросает свой последний взгляд на Кремль...»

Удивительная способность была у Аполлинария Михайловича уводить слушателей в седую старину!

Точно так же забылся XX век, этот зал и окружающие люди, когда Аполлинарий Михайлович демонстрировал свою картину «Красная площадь в XVII веке». Все мы сами вошли в его картину, слушали, как читает дьяк, глазели на проезжающего боярина...

Думалось, как же может человек так изучить и так изображать старину? Слово ведь с натуры списано. Показывали же старину многие художники, но в их картинах жили только люди, а здесь живёт, дышит и рассказывает каждый камень стены, каждая маковка церкви, каждое бревно сруба.

с. 107

Я очень любил рисовать и много рисовал, хотя нигде этому не учился. Под впечатлением картин Аполлинария Михайловича мне захотелось и самому попытаться воспроизвести какой-нибудь уголок старой Москвы. В это время только что вышла книга Штадена «Записки немца-опричника». Там был очень подробно описан государев опричный двор, помещавшийся

между Никитской улицей и Воздвиженкой. Помню, что я сначала набросал план всего двора, а потом сделал карандашный набросок вида «с птичьего полёта».

Перед началом заседания я не без трепета и смущения подошёл к Аполлинару Михайловичу и робко попросил посмотреть мою «работу». Аполлинарий Михайлович взял листы, взглянул на них и сказал П. Н. Миллеру:

«Вот, Пётр Николаевич, смотрите, чем занимается молодёжь! Любопытно. Посмотрю. Можете оставить до следующего четверга?»

Всю неделю я ходил сам не свой и насилу дождался заседания. Каков-то будет ответ?

Я пришёл пораньше, чтобы застать Аполлинария Михайловича «без окружения», но он появился перед самым началом заседания и сел на своё место. Подойти к нему я не решился и весь вечер сидел словно на иголках.

«Мало ли дел у него, — думалось мне, — а тут ещё я со своими рисунками...»

Но вот заседание кончилось, и Аполлинарий Михайлович поманил меня. «Посмотрел, — сказал он, — сверил с описанием. В общем вы правильно уловили. Видно, что внимательно читали, даже ошибку Штадена в сторонах света заметили. Только вот хоромы-то изобразили такие, как Коломенский дворец, а ведь эти постройки столетием раньше. Попроще надо, поменьше пышности». И тут же он начал мне рассказывать о разнице в характере деревянных построек XVI и XVII веков, назвал книги и планы, которые надо посмотреть. Потом взял мой листок и карандашом сделал отметки:

«По-моему, вот тут надо поставить службы: поварни, погреба, хлебни и тому подобное. Хоть Штаден и не пишет ничего о переходе от дворца в церковь, но его надо сделать. Звонницу поставьте. Хоромы шли не у западной стены, а у южной, это вас Штаден запутал».

Уже почти все разошлись, когда Аполлинарий Михайлович закончил беседу: «Продолжайте, очень интересно будет».

Я усердно принялся за работу — полгода читал, копировал, делал новые планы и наброски и опять всё заново переделывал. Много раз приходилось мне обращаться за советами к Аполлинару Михайловичу, и ни разу я не получил отказа.

Когда, как мне казалось, всё было готово, я принёс рисунок с «птичьего полёта» на заседание. Аполлинарий Михайлович внимательно его посмотрел и одобрил. Я был на седьмом небе и отдал свою работу П. Н. Миллеру в музей «Старой Москвы».

Вскоре я уехал в Переславль-Залесский и, вернувшись, привёз небольшой альбом с зарисовками переславской старины. Долго я не решался показать его Аполлинару Михайловичу, хотя несколько раз и таскал с собой на заседания. Только после того, как Аполлинарий Михайлович однажды спросил меня: «А что вы сейчас подельваете?», я показал ему рисунки.

Внимательно и не спеша просмотрел он альбом и сказал:

«Вам надо учиться. Данные есть: вкус, глаз, любовь, старание, а вот с перспективой слабо, техники нет. Надо учиться...»

Он ещё раз перелистал альбом.

«Ну, вот, Спасопреображенский собор. Схвачен верно. Только детализировка лишняя. Не надо так выписывать, это мертвит. А в то же время главное не показываете. У вас не видно, какой это собор — кирпичный, оштукатуренный или белокаменный. Вот что важно. Посмотрите на литографию Мартынова в «Русской старине». Там художества мало, но зато сразу видно, что собор белокаменный, старый, много переживший, а у вас будто вчера построенный. А вот Никитский монастырь. Очень удачно выбран ракурс, а ещё удачнее расположение этого облака. Оно подчёркивает гористое расположение монастыря и передаёт даль. Только, думается, облако попало сюда случайно, вы его сделали бессознательно, а получилось очень хорошо. А вот техники опять нет. Вы Дмитрию Петровичу (Сухову) подражаете, ведь он архитектор, а не художник. Рисунки Рыбной слободы хороши. Видно, что прочувствовали. Это ваше, подражаний нет. Не подражайте никому. Потом у вас людей нигде не видно. Нет, надо учиться. Все данные есть».

Показывая на изображение деревянных домов с островерхими крышами, Аполлинарий Михайлович сказал:

«Вот, тоже хорошо сделано. Ведь это явный XVIII век».

Я рассказал ему, что это за дома. Один из них принадлежит рыбаку А. И. Носкову и стоит на берегу реки Трубеж в Рыбной слободе. По словам хозяина дома, он построен в конце 80-х годов XVIII века. Другой находится в городе, на Кононовской улице, построен в 1809 году.

«Интересные дома, — заметил Аполлинарий Михайлович, — хорошо, что вы их зарисовали. Это уходящее».

Через некоторое время, в самом начале 1927 года, на одном из заседаний Аполлинарий Михайлович поманил меня и попросил принести опять переславский альбом. Он долго смотрел на рисунки домов, потом вынул из бумажника какой-то вчетверо сложенный листок, развернул его и показал мне. Это был набросанный карандашом план каких-то строений на Немецкой улице.

с. 109 «Вы ведь, кажется, где-то там живёте? Так вот это план владения Скворцова. В доме, который выходил на улицу, родился Пушкин».

Аполлинарий Михайлович начал подробно рассказывать об этом доме, посоветовал осмотреть двор и сад, прикинуть высоту дома и рассчитать в перспективе, будут ли через забор видны дворовые службы.

«А вот ваши переславские дома возьмите за натуру. Мы не знаем, каким в точности был дом Скворцова, но эти дома по времени и по типу — родные ему братья. По ним можно воспроизвести и дом на Немецкой улице. Попробуйте этим заняться!»

Я был ошеломлён этим предложением и начал было отказываться, но после настойчивых уговоров Аполлинария Михайловича, который меня подбадривал и обещал свою помощь, согласился.

Я долго обдумывал и изучал источники, в чём мне очень много помогли П. Н. Миллер и Л. А. Виноградов, и к маю сделал несколько набросков, варьируя детали домов — наличники, отделку углов, ворота. Оказалось, что надворные постройки (ещё в те годы стоявшие на месте) и часть сада, уходящего под гору, на рисунках будут не видны. На одном эскизе я показал макушку колокольни церкви Богоявления.

Аполлинарий Михайлович взял все рисунки и через две недели вернул.

«По-моему, этот набросок — самый удачный, — сказал он. — Только колокольню уберите, она вряд ли была видна. У ворот тумбочки поставьте и лавочку. Зелень у вас хорошая, майская, словно после дождя. Так вы и лужицу перед домом сделайте. Двух-трёх прохожих. Фонарь уберите. Вправо можно показать проезжающую карету. Крышу надо постарее сделать, может быть, она даже подтекает. Окна сделайте открывающимися. В Москве поднимающихся окон уже, пожалуй, не было».

Я внимательно слушал неторопливую, тихую речь Аполлинария Михайловича, и чем больше он говорил, тем яснее мне представлялся дом и пейзаж, который мне предстояло изобразить.

Через неделю рисунок был готов. Аполлинарий Михайлович одобрил его и передал П. Н. Миллеру. Копия его попала в Пушкинскую библиотеку, на выставку, связанную с открытием 5 июня 1927 года памятной доски на доме № 10 по Бауманской, где родился поэт.

Запомнилось мне несколько заседаний комиссии. На одном из них выступал Н. Д. Телешов со своими воспоминаниями. Его дополнил Аполлинарий Михайлович.

«Пётр Николаевич, а помните маскарад?» — обратился он к Миллеру.

с. 110 Тот засмеялся, покачал головой и показал пальцем на сидевшего тут же «дядю Гиляя» — писателя В. А. Гиляровского.

«Вы были турком, я гречанкой, — продолжал Аполлинарий Михайлович, — а Владимир Алексеевич казаком, кажется. Шли мы по Тверской поздно ночью. Захотелось нам пошалить. У губернаторского дома Владимир Алексеевич взял да перевернул будку со спящим будочником и положил её на землю входом вниз. Вот было крику!»

Вспоминается и заседание 5 августа 1926 года, посвящённое памяти Виктора Михайловича и 70-летию Аполлинария Михайловича. Аполлинарий Михайлович читал свои воспоминания о брате. Я помню его так, как будто это было вчера. Аполлинарию Михайловичу поднесли цветы, адреса, подарки. И. К. Линдемман прочёл свои шуточные стихи, начинающиеся словами:

Ни на одном из полушарий,
Ни днём, ни ночью с фонарём,
Как Васнецов Аполлинарий —
Таких людей мы не найдём...

До сих пор я бережно храню портрет Аполлинария Михайловича работы И. Н. Павлова, с автографом и датой: «6 августа 1926 года».

Я не послушался совета Аполлинария Михайловича и не пошёл учиться рисовать: обстоятельства заставили заняться другим. Но в памяти сохранились все наставления художника. Теперь, когда изредка приходится брать в руки карандаш или кисть, слышу его слова: не цветная фотография, а жизненное письмо — вот что надо помнить, когда берёшься рисовать.